

Страницы истории ТПУ

УДК 908

ОТНОШЕНИЕ ПРОФЕССОРОВ ТОМСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА К СТУДЕНЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

О.В. Ищенко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: oksana5510@yandex.ru

Рассмотрены проблемы взаимодействия трех сторон: местных властей, студенчества и профессорско-преподавательского состава Томского технологического института в период первой российской революции. Основное внимание автор уделяет позиции Совета технологического института, сумевшего в условиях давления на него и власти, и студенчества последовательно отстаивать автономию высшей школы и требование установления в стране гражданских прав и свобод.

Начавшаяся в январе 1905 г. первая революция в России, способствовавшая росту студенческого движения и усилению оппозиционных настроений во всех слоях общества, поставила профессоров томских вузов перед необходимостью четкой формулировки своего отношения к текущему моменту. Очевидно, что в условиях революционных волнений большая часть преподавателей томских вузов если и не поддержала прямо студенческие выступления, то стремилась понять их причины, с которыми, впрочем, зачастую была вполне солидарна.

В первые дни революции, 18 января 1905 г., когда в г. Томске казаками и полицией была разогнана уличная демонстрация, в числе участников которой было много томских студентов, в помещении Томского технологического института состоялось собрание педагогического персонала местных вузов для обсуждения произошедшего и отношения к «вопиющему произволу полиции». Собравшимися единогласно было решено потребовать через прокурора гласного суда над полицией и составить коллективное заявление, для чего была выбрана комиссия, а председатель собрания профессор Томского университета Сапожников произнес речь о том, что «факты, подобные сегодняшнему, не единичны и допустимы только при нашем режиме» [1].

В сложившейся ситуации Совет Томского технологического института пришел к выводу, что в ближайшее время ожидать успокоения студентов нельзя, т.к. «причина поднявшихся волнений лежит вне институтской жизни, и если найдется часть студентов, желающих продолжать занятия, то это вызовет между отдельными группами студентов обостренные отношения и борьбу» [2]. Поэтому

Совет большинством голосов вынес решение о закрытии вуза до 1 сентября 1905 г. Решено было также ходатайствовать через министра народного просвещения перед министром юстиции «о гласном, всестороннем и беспристрастном расследовании недопустимого ни при каком способе управления страной зверского усмирения демонстрации полицией и казаками». Профессора особо отмечали, что среди пострадавших много студентов, «которые вправе ожидать, чтобы институт выступил на защиту их законных интересов» [3]. Свои подписи под письмом поставили более 50 преподавателей Томского технологического института и Томского университета, но отказались подписать его профессор Ефимов и преподаватель богословия Беликов.

Одновременно ряд членов Совета Томского технологического института решил обратиться в министерство народного просвещения с письмом, в котором указывалось, что в последние годы занятия в вузах постоянно прерываются волнениями, в результате чего падает научный уровень высшей школы. Эта ситуация ведет к вырождению образования, поэтому профессора писали: «Мы считаем своим долгом выразить свое искреннее и глубокое убеждение, что при существующем государственном строе восстановление нормального хода занятий немыслимо. Жизнь учебных заведений находится в неразрывной связи со всей государственной жизнью, и дезорганизация является результатом общей дезорганизации всех отраслей государственного управления... При современном состоянии самосознания русского общества дальнейшее применение исключительно административных способов управления страной сделалось уже невоз-

возможным. Необходимым и неизбежным условием мирного выхода из настоящего безвременья является обеспечение правового порядка, состоящего в неприкосновенности личности и жилища, свобод совести, слова, печати, собраний, союзов, в уравнении общегражданских и политических прав всех лиц без различия сословия, национальности, вероисповедания и пола, независимости суда, участия свободно избранного народного представительства в осуществлении законодательной власти и в контроле над администрацией и бюджетом. При устранении коренной причины современного неурюстройства русской жизни академические беспорядки исчезнут сами собой» [4].

Профессорами особо подчеркивалось, что все изложенное – не результат событий 18 января, а мнение, выработавшееся постепенно. Под обращением стояли те же подписи, и так же отказались подписать его считавшийся консерватором профессор Ефимов и профессор богословия Беликов.

Следует отметить, что профессор А.И. Ефимов, желая объяснить свою точку зрения, предоставил совещанию членов Совета 29 января 1905 г. свою «Записку», в которой отмечал, что в последние годы по всей Сибири идет сильнейшая революционная агитация, главным образом, среди студенчества томских вузов и рабочих Сибирской железной дороги. Эта агитация носит изменнический, опасный для государства характер, зовет молодежь к стачке и демонстрациям, и все это в столь тяжелые дни. Томский технологический институт, – писал А.И. Ефимов, – «высшая научная и притом государственная школа», поэтому он выражал несогласие с выводом Совета о том, что причины студенческих волнений кроются в недостатках государственного строя, а с его изменением прекращаются.

По его мнению, их источник «лежит, главным образом, в причинах нравственного порядка, мало зависящих от той или другой государственной системы». В демонстрациях участвует только меньшинство студентов, поэтому автором делался вывод, что речь идет о «слепом увлечении крайними идеями» и действиях, совершенных в состоянии аффекта: «Большинство же студентов, не принимавших участия в беспорядках и, вероятно, осознающих неправоту и тяжелое давление тайных сил, толкающих их в смуту, легко заслоняется... организованным и экзальтированным меньшинством, умеющим, действуя то на ум, то на чувство, сбивать это большинство с толку. Оно, несомненно, переживает теперь тяжелое нравственное состояние и колеблется, и поддержать желание его сохранить порядок и смысл существования нашей школы является, я полагаю, нашим долгом» [5].

Сам профессор предлагал восстановить нормальный ход занятий в высшей школе посредством обращения к студентам от имени Совета института с призывом «к порядку и работе как долгу перед Отечеством и указанием на бесцельность и преступность дальнейших обструкций и демонстраций».

Профессор А.И. Ефимов высказывал мнение, что поскольку Томский технологический институт – государственный вуз, его Совет должен был показать в это смутное время свою связь с государством посылкой краткого всеподданнейшего адреса государю с указанием, что Томский технологический институт всеми силами готов служить поддому народного духа и благосостояния.

Сам «факт непосредственного обращения к монарху, – писал А.И. Ефимов, – включает в себя и порицание революционной агитации, и желание в дальнейшем развитии русской жизни держаться родной почвы», а не заимствовать какую-нибудь иностранную конституцию. В подобном адресе не должно быть «ничего, что устраняло бы начало самодержавной власти», поскольку она не исключает ни широкого самоуправления, ни свободы и достоинства личности и т. д., но является гарантией целостности и спокойствия государства. «Только подобное заявление можно представить от имени Томского технологического института, все остальное послужит «возбуждению умов»... Мы никак не можем поручиться, что какое-нибудь начавшееся на конституционной почве движение или борьба партий не поведет к неожиданным катастрофам... вроде пугачевщины или неприятельского вторжения..., которых ни предвидеть, ни предотвратить будет невозможно», – предостерегал профессор [6].

Однако все же мнение А.И. Ефимова не было поддержано большинством профессуры, которая явно придерживалась более оппозиционных взглядов. Тем не менее «Записка» Ефимова свидетельствовала об определенных разногласиях в профессорской среде в оценке усиливавшегося студенческого движения и в вопросе об отношении к действиям власти, которая не могла оставить развернувшиеся в Советах томских вузов дискуссии без своего внимания. В результате в феврале 1905 г., директору Томского технологического института Е.Л. Зубашеву поступило официальное письмо от попечителя Лаврентьева, в котором указывалось, что в нынешнее тяжелое время преподаватели и коллегиальные органы вузов допускают критику как отдельных правительственных распоряжений, так и осуждение самого государственного устройства империи. Поэтому министр народного просвещения генерал-лейтенант В.Г. Глазов просил передать начальству вузов просьбу-распоряжение не допускать никаких суждений, выходящих за компетенцию органов управления вузов [7].

При этом, ограничивая круг вопросов, которые рассматривались на заседаниях Советов томских высших учебных заведений, власть прямо упрекала профессоров в поддержке студенческого движения. Так, и.д. томского губернатора Азанчевский-Азанчев в мае 1905 г. писал в Департамент полиции, что директор и преподаватели Томского технологического института «будучи оппозиционно настроены, отличаются резко выраженными антиправительственными взглядами и вредным вообще».

направлением». Поэтому во время беспорядков педагогический персонал не только не успокаивал учащуюся молодежь, но «наоборот, иногда сам становился на сторону студентов,... выражая свою с ним солидарность» [8].

Тем не менее, введение осенью 1905 г. в жизнь высшей школы новых правил, подвигло Совет Томского технологического института одновременно с выборами директора вуза 7 сентября 1905 г. довести до сведения высшего начальства следующее заявление: «Приветствуя и принимая временные правила об управлении высшими учебными заведениями как зачаток ожидаемой автономии, Совет выражает вместе с тем свое глубокое убеждение, что одно выборное начало не может упорядочить жизнь высших учебных заведений. В настоящее время волнения вышли из рамок академических и потому успокоение наступит только тогда, когда, по мнению Совета, осуществится свобода слова и печати, свобода союзов и собраний, неприкосновенность личности и жилища» [9].

И вновь, не принимая подобного заявления в силу его политического характера, протоиерей Беликов от голосования отказался, а профессор Ефимов высказал особое мнение.

Особое мнение высказал и вновь избранный директор Е.Л. Зубашев: студенческие волнения и раньше выходили из академических рамок, а реформы могут удовлетворить народ, но не предателей политических партий, имеющих влияние на студентов, поэтому обращение выглядит Совета очень категорично. Директор предлагал непосредственно обратиться к студентам с предложением приступить к занятиям [10].

Однако дальнейшие изменения в жизни страны в ходе революции явно определяли и те изменения, которые происходили в жизни вузов.

Так, на заседании Совета Томского технологического института 21 сентября 1905 г. была заслушана резолюция академического союза профессоров, преподавателей и лаборантов, гласившая, что в институте, по ее мнению, необходимо упразднение профессорского суда и прекращение функционирования инспекции, поскольку «этот институт вреден при всяких условиях».

В результате обсуждения Советом было вынесено решение:

1. с настоящего времени инспекцию от надзора за студентами отстранить, а создать комиссию для определения функций инспекции и выработки для нее инструкции;
2. профессорский суд утратил всякое значение, выборы в него не производить, а вопрос о суде решить в упомянутой выше комиссии, расширив ее состав [11].

Через несколько дней, 30 сентября 1905 г., на основании работы комиссии, Советом Томского технологического института было принято решение ходатайствовать перед министром народного

просвещения об упразднении инспекции и об учреждении секретариата по студенческим делам. Одновременно предлагалось упразднить запросы и отзывы о поведении студентов, отменить требование о предъявлении благонадежности при поступлении в институт. Совет Томского технологического института особо подчеркивал, что при этом «надзор за порядком в Институте возлагается на самих студентов» [12].

По поводу профессорского суда комиссией было сказано следующее: поскольку существующие беспорядки вызваны ненормальными политическими условиями в стране и исчезнут только с проведением политических реформ, нецелесообразно применять к студентам положение о профессорском дисциплинарном суде, который введет дисциплинарные взыскания как репрессивные меры, «против которых дружно высказался педагогический персонал высших учебных заведений...», т. к. коренная ответственность за волнения должна лежать не на учащейся молодежи, а на том политическом строе страны, благодаря которому общество лишено элементарных гражданских прав» [13].

Не отрицая при этом необходимость профессорского суда в принципе, Совет Томского технологического института, тем не менее, пришел к выводу, что сначала нужно выработать «основные начала нормального строя высших учебных заведений», только тогда станет ясна форма суда. Особое мнение по этому поводу вновь высказал А.И. Ефимов: профессорский дисциплинарный суд как выборное учреждение наиболее соответствует автономному строю высшей школы, поэтому в его уставе ничего не следует менять [14].

Совет Томского технологического института также постановил отменить процентную норму для евреев, поскольку в законах Российской империи это ограничение отсутствовало, а указанная норма базировалась только на циркулярах министра народного просвещения, не имевших силы закона. Манифест императора, где указывалось, что он стремится обеспечить всем подданным свободу верования и положение об укреплении начал веротерпимости (оба документа от 17 апреля 1905 г.), по мнению Совета, уравнивали все вероисповедания перед законом и отменяли все ограничения, в том числе и процентную норму [15].

Признание за студентами права на равное участие в жизни вуза, в том числе, и в реализации его образовательных задач, прослеживалось в ответе Совета Томского технологического института министру народного просвещения по вопросу о введении предметной системы. Совет, одобрив ее применение, одновременно утверждал: «В обновленной России время и силы студентов уже не будут отвлекаться на политическую борьбу, и занятия их будут идти гораздо успешнее, чем в настоящее время... Совет Томского технологического института придерживается того взгляда, что студенты взрослые люди, которые сами должны и могут забо-

тятся о возможно быстром и успешном прохождении курса; в виду этого принудительная регламентация занятий совершенно не нужна» [16].

Однако в условиях нарастания революции студенты так и не приступили к учебным занятиям. В конце сентября – начале октября 1905 г. в Томском технологическом институте происходили непрерывные студенческие сходки, в результате проведения которых студенты приняли решение объявить академическую забастовку, «кроме того, идя навстречу стремлению масс к выяснению назревших вопросов, касающихся обновленного строя России и считая высшие учебные заведения организационными центрами революционного студенчества и оппозиционно настроенного общества, объявить их открытыми для митингов и собраний» [17].

Решение студенчества было поддержано и частью преподавателей технологического института. Так, присутствовавший на студенческой сходке 2 октября 1905 г. вместе с некоторыми членами педагогического персонала профессор Н.М. Кижнер зачитал заявление части преподавателей «об отказе вести занятия при современных условиях». Это вызвало горячие прения в Совете института. Профессор А.И. Ефимов заявил, что это нарушение постановления Совета и «давление на совесть студентов» [18].

В этих условиях Совет Томского технологического института постановил:

- 1) в связи с отсутствием элементарных гражданских прав все русское общество находится в состоянии сильного возбуждения, «что особенно ярко отражается на настроении студенчества, как наиболее чуткой части общества»;
- 2) отсутствие свободы слова, печати, собраний влечет за собой устройство митингов в стенах вузов, что не соответствует задачам высшей школы; предупредить их Совет не может, а допустить применение местной администрацией репрессивных мер «не считает возможным и соответствующим достоинству» вузов;
- 3) возбужденное состояние студенчества и разлад внутри него не дают возможности восстановления занятий [19].

В силу вышеизложенного было решено ходатайствовать перед министерством народного просвещения о закрытии Томского технологического института до конца текущего полугодия. Решение было принято большинством голосов, но против вновь голосовал профессор А.И. Ефимов.

В этих условиях профессор Н.М. Кижнер выступил на заседании Совета ТТИ 6 октября 1905 г. с заявлением, что в вузах давно уже нет спокойной научной работы. По его мнению, только отчасти это зависело от недостатков постановки преподавания, «но главная причина кроется в ненормальных политических условиях развития страны. Молодежь вступает в стены высшего учебного заведения в тот период, когда в ней начинают созревать политические идеалы», и в правовых государствах этот пе-

риод политического созревания протекает нормально, т. к. действительность сама дает положительный материал для формирования политических убеждений, поэтому на Западе студенческие волнения отсутствуют. «Не то у нас, – утверждал Н.М. Кижнер. – Со школьной скамьи... будущему гражданину стараются привить основы одряхлевшего строя..., но наступает период сознательного отношения к окружающей действительности и... в молодой душе со свежей и отзывчивой совестью по мере того, как надетая повязка начинает спадать с глаз, по мере развития иных политических идеалов, постепенно развивается чувство протеста и негодования. Современные условия действительности в то же время не дают никакого свободного выхода развивающемуся политическому настроению» [20].

Именно в высшей школе, по мнению профессора, начинается «особенно быстрое созревание политических идеалов молодежи, которое становится в неизбежное противоречие с действительностью. Отсюда проистекают постоянные студенческие волнения, постоянные нарушения нормальных научных занятий волной политической жизни, т. к. каждая развивающаяся личность чутко относится /как/ к своим научным, так и политическим идеалам». Вузы превращаются в арену политической борьбы, поскольку «окружающие условия не дают нормального выхода политическим стремлениям студенчества». В настоящий момент, заключал Н.М. Кижнер, вузы не могут выполнять свое прямое назначение. Для возвращения к нормальным занятиям «нужно дать выход политическому движению,... нужно осуществление прав человека и гражданина» [21].

Мнению Н.М. Кижнера вторило и постановление профессорско-преподавательской академической группы Томского технологического института, подписанное ее председателем профессором В.А. Обручевым. В нем указывалось, что высшей школе перед осенним семестром были дарованы начала автономии: уничтожение полицейского надзора в вузах, право студентов на свободу организаций, сходок, собраний. Они могли успокоить молодежь, устранить академические причины беспорядков, но эта реформа пришла слишком поздно. 12-летнее господство устава 1884 г., рассматривавшего как профессоров, так и студентов в качестве «отдельных посетителей» высшего учебного заведения и не дававшего возможности их единения между собой и друг с другом», – отмечалось в постановлении, – внесло в жизнь высшей школы пагубные элементы полицейского надзора и преследования за политические убеждения. Престиж преподавательского персонала, превращенного режимом в чиновников, падал постепенно все больше и больше, недоверие молодежи к науке, находящейся под опекой полиции, усиливалось с каждым годом. С другой стороны, «молодежь, лишенная законной организации и общения, вступала все в большем количестве в нелегальные сообщества и благодаря этому в настоящее время крайние пар-

тии социал-демократов и революционеров насчитывают среди студенчества гораздо больший процент приверженцев, чем среди остального русского общества». Но несмотря на все репрессивные меры, политика все больше проникала в стены школы. Начались беспорядки сначала на академической, затем на политической почве. С начала волнений зимой 1904/5 учебного года студенчество, как наиболее чуткая часть этого общества, не могло остаться в стороне. Занятия в вузах были прерваны, и попытка их возобновления не удалась.

Причины отрицательного отношения студенчества к судьбам высшей школы члены академической группы видели в следующем:

- 1) студенческое движение утратило академический характер и всецело перешло на политическую почву; автономия вузов «уже не может удовлетворить студентов и заставить их мирно предаваться научным занятиям»;
- 2) благодаря многолетнему полицейскому режиму профессора утратили доверие студентов и не являются их духовными вождями;
- 3) отсутствие возможности устраивать собрания для обсуждения политических вопросов вне школы заставляет студентов использовать для этого учебные аудитории;
- 4) молодежь заявляет, что в настоящий момент актуальнее знакомство с политическими и академическими вопросами, а не учебные занятия.

В силу этих причин занятия в высшей школе в настоящее время не могут быть возобновлены. «Средство для восстановления нормальной академической жизни в высших учебных заведениях остается только одно: успокоение студенчества возможно только при успокоении всего русского общества немедленным установлением необходимых основ гражданской и политической свободы — обеспеченных законодательным порядком прав человека и гражданина. При свободе слова, печати, собраний и союзов вне стен школы не будет уже побудительных причин для беспорядков в высших учебных заведениях», — заключали члены академической группы [22].

Подобные высказывания томской профессуры, по мнению властей, свидетельствовали о том, что преподаватели технологического института явно поддерживали студентов в их протестных действиях. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев так характеризовал позицию профессоров Томского технологического института: «В смутное время 1904 и 1905 годов профессора института, насколько не стесняясь, стали на сторону революции (за исключением, быть может, одного или двух: вполне ручаться могу только за одного). Даже в те немногие минуты просветления, когда студенты готовы были от забастовки отказаться, на сходку явились профессора и от лица 18 (если не ошибаюсь) своих коллег объявили, что они читать лекции не будут, если на сходке студен-

ты постановят начать занятия, а один из преподавателей института... прямо приглашал студентов к вооруженному восстанию» [23].

В сложившейся ситуации томский губернатор Нолькен прямо обвинял руководство Томского технологического института в «резко оппозиционном направлении» и настаивал на удалении от должности директора института Зубашева, а также на увольнении из Томского технологического института профессора Н. Кижнера, преподавателей А. Сабека, Н. Бундюкова, П. Козьмина, П. Казанского, Г. Тираспольского, В. Гана, лаборанта Д. Алексеева и из Томского университета профессоров Н.А. Александрова и Н.Н. Розина [24]. Указанный в этом ряду Г.Л. Тираспольский за принадлежность к РСДРП в 1906 г. был объявлен Томским охранным отделением во всероссийский розыск [25].

Профессура Томского технологического института, в свою очередь, также упрекала местную власть в создании напряженной ситуации в городе. Так, после разгона казаками демонстрации учащихся Томска, министру внутренних дел за подписью директора института Зубашева была послана телеграмма, в которой преподавательский персонал Томского технологического института, возмущенный избиением учащихся, требовал отставки губернатора, полицмейстера и удаления казаков из города [26].

Защищая права дарованной относительной автономии вузов, Совет Томского технологического института резко отреагировал на решение губернатора ввиду ожидавшегося митинга в здании института 15 октября 1905 г. ввести на его территорию войска. Совет считал это недопустимым и оскорбительным для достоинства вуза, решительно потребовал немедленного удаления войск с его территории. Но поскольку ответ от губернатора получен не был, 16 октября 1905 г. от имени Совета Томского технологического института министру народного просвещения была послана телеграмма с требованием оградить права Совета и его достоинства [27]. И только профессор А.И. Ефимов оказался солидарен с действиями губернатора, назвав их правильными, поскольку они охраняли государственное имущество, каковым являлись институтские здания [28].

Главным же виновником беспорядков в томских вузах местное начальство продолжало считать директора технологического института Е.Л. Зубашева. Донесения из Томска поступали в столицу, и министр внутренних дел П.Н. Дурново в январе 1906 г. на основе «неблагоприятных в политическом отношении сведений», предлагал министру народного просвещения И.И. Толстому немедленно удалить Е.Л. Зубашева из вуза. Однако, согласно ответу последнего, уволить Е.Л. Зубашева оказалось затруднительно, т. к. он был избран на пост директора Советом Томского технологического института на основании указа от 27 августа 1905 г. и утвержден в должности высочайшей властью [29].

Тем не менее, 10 февраля 1906 г. томский губернатор Нолькен подписал устранение от должности и воспреещение проживания в подведомственной ему губернии профессоров Томского технологического института Е.Л. Зубашева и Н.М. Кижнера [30].

Зубашев, Кижнер, Тираспольский были выслааны из г. Томска, что внесло еще большую напряженность в отношения между руководством губернии и Советом Томского технологического института. К тому же удаленный из г. Томска директор Е.Л. Зубашев телеграфировал из столицы, что Совещание начальства высших учебных заведений при министерстве народного просвещения решило открыть занятия в вузах в сентябре 1906 г., напомнив, что «поддержание правильного течения академической жизни» находится только в руках Советов учебных заведений. Местная администрация не имела права вмешиваться в академическую жизнь без согласования с учебными властями. Это дало еще один повод к возмущению Советом Томского технологического института действиями местных властей [31].

Поэтому по предложению профессора В.А. Обручева было принято решение послать министру народного просвещения телеграмму следующего содержания: «Совет Томского технологического института, открывая институт и предвидя неизбежность студенческих сходов, просит министерство обеспечить Совет от вмешательства местной администрации во внутренние дела Института. Вместе с тем, Совет ходатайствует об ускорении возвращения административно-высланных директора, профессоров и преподавателей...» [32].

Болезненное восприятие профессорско-преподавательским составом нарушения принципов автономии высшей школы проявилось и в том, что Совет Томского технологического института в сентябре 1907 г. признал оскорбительным требование генерал-губернатора предоставить сведения о студенческих сходах, фамилиях их участников и обсуждаемых вопросах. От имени Совета генерал-губернатор был дан ответ, что студенческие сходы происходят только с ведома учебного начальства, а Совет института «находит несоответствующим своему достоинству заниматься собиранием сведений о готовящихся сходах и о том, что на них будет происходить» [33].

Однако даже столь резкие высказывания Совета не превращали преподавателей в глазах студентов в защитников студенческих интересов. Студенты требовали большего, и профессура оказалась буквально между двух огней, причем если власти критиковали ее за потворство студенческим выступлениям, то студенты упрекали, напротив, в их малой поддержке.

Так, на общестуденческой сходке 20 февраля 1907 г. было принято решение поручить выборному Центральному студенческому органу (ЦСО) войти в переговоры с Советом профессоров и потребовать от него, поскольку вуз был закрыт для занятий, не-

медленного открытия Томского технологического института, гарантии свободы студенческих собраний и возможности присутствия на заседаниях Совета профессоров представителей ЦСО. В случае невыполнения требований, сходка поручала ЦСО от ее имени немедленно закрыть институт [34].

Данное постановление студентов явно показывало их стремление доминировать в вопросах внутренней жизни вуза. Поэтому только после долгих дебатов Совет Томского технологического института большинством голосов вынес решение предложить студентам путем совместного совещания членов Совета с ЦСО окончательно выяснить вопрос об открытии института. ЦСО согласился с этим решением. По остальным пунктам требований Совет заявил, что он против митингов как по принципиальным, так и по формальным причинам, но он «и впредь не будет препятствовать студенческим собраниям в неучебное время, насколько он в силах» [35].

На состоявшемся 22 февраля 1907 г. совещании членов Совета и представителей ЦСО по вопросу об открытии технологического института относительно превращения сходов в митинги студенты заявили, что они этого и сами не желают, но хотят войти в Совет профессоров чтобы знать, что делается в Совете и иметь некоторое влияние на его решения. В результате совещание постановило открыть институт с 23 февраля 1907 г. [36]

Тем не менее, совместно принятое решение не успокоило студентов, поэтому новая сходка, состоявшаяся 25 февраля 1907 г. вынесла резолюцию требовать от Совета ответа на следующие вопросы:

- а) о разрешении общестуденческих сходов,
- б) о закрытии института только с согласия студентов,
- в) об участии в Совете Томского технологического института представителей ЦСО с правом совещательного голоса.

По этому поводу Совет Томского технологического института решил:

по пункту а) – Совет не имеет ничего против совместных сходов студентов технологического института и университета, но в настоящих условиях военного положения «не может ни разрешать общестуденческой сходки, ни гарантировать безопасность собравшихся от действия внешней администрации»;

по пункту б) – право открытия и закрытия института принадлежит только Совету Томского технологического института. Но Совет пошел на определенный компромисс, подтвердив, что вопрос о закрытии института предварительно должен обсуждаться комиссией Совета совместно с представителями студентов;

по пункту в) – участие в Совете Томского технологического института представителей ЦСО недопустимо [37].

В ответ на решение Совета общестуденческая сходка 11 марта 1907 г. пришла к следующему заключению:

1. «студенчество в дальнейшем будет пользоваться своим юридическим и моральным правом собираться в стенах высших учебных заведений, не считаясь с запугиванием администрации;
2. студенчество находит, что «фактическое» право закрытия высших учебных заведений до сих пор принадлежало студентам, и что в будущем нет данных за то, что это право перейдет к профессуре;
3. ввиду ясного характера предлагаемой комиссии студенчество отказывается вступить в нее. Что касается общего тона профессорской декларации, то в ней явно сквозит «хозяйская тенденция». Со своей стороны студенчество выражает тактику, диктуемой этой тенденцией, полное недоверие и прекращает с профессурой переговоры» [38].

Тем не менее, несмотря на столь категоричное заявление студентов, Совет технологического института признавал за ними право участия во внутренней жизни учебного заведения, отнюдь не считая студентов «отдельными посетителями» института. Подобные действия Совета, его стремление уважительно отнестись к студенческим нуждам и требованиям местной властью были расценены как слабость и уступчивость. Отсюда и то постоянное давление, которое испытывал Совет технологического института с обеих сторон: власти – через стремление регулировать внутреннюю жизнь вуза, и студенчества, упрекавшего своих профессоров в недостаточной защите их интересов. Однако и в этих условиях Совет Томского технологического института смог сохранить собственную позицию отстаивания академической свободы высшей школы в контексте введения в стране «необходимых основ гражданской и политической свободы – обеспеченных законодательным порядком прав человека и гражданина» [39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1905. Д. 3. Ч. 43. Л. 1.
2. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 260.
3. ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1905. Д. 3. Ч. 43. Л. 2.
4. ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1905. Д. 3. Ч. 43. Л. 4.
5. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 268–270.
6. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 268–270.
7. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 22. Л. 40.
8. ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1905. Д. 3. Ч. 43. Л. 12–13.
9. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 306.
10. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 306.
11. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 317.
12. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 320.
13. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 321–322.
14. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 331.
15. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 322, 326.
16. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 358–361.
17. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 339.
18. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 334.
19. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 338.
20. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 346–347.
21. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 346–347.
22. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 340–341.
23. Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2002. – № 9. – С. 279.
24. ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1905. Д. 3. Ч. 43. Л. 49–50, 57.
25. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 12. Л. 84.
26. ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1905. Д. 3. Ч. 43. Л. 27.
27. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 351.
28. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 350.
29. ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1905. Д. 3. Ч. 43. Л. 44–46, 52.
30. ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1905. Д. 3. Ч. 43. Л. 63.
31. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 58. Л. 108.
32. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 58. Л. 112.
33. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 58. Л. 103–105.
34. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 73. Л. 77–79.
35. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 73. Л. 81–83.
36. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 73. Л. 86–87.
37. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 73. Л. 104–106.
38. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 73. Л. 109.
39. ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44. Л. 340–341.

Поступила 24.11.2006 г.